

ТУРЕЦКІЙ И ПЕРСИДСКІЙ ЯЗЫКИ ¹⁾).

Приказомъ по военному вѣдомству объявлены руководящія данныя и программы къ положенію объ изученіи офицерами восточныхъ языковъ. Въ этихъ программахъ обращаетъ вниманіе то обстоятельство, что по японскому, китайскому, корейскому и монгольскому языкамъ даны отдѣльныя, подробныя программы для каждаго языка, для языковъ же персидскаго, турецкаго, афганскаго и сартовскаго дана одна общая программа, какъ будто эти языки не имѣютъ каждый своихъ особенностей.

Затѣмъ въ программахъ по языкамъ Дальняго Востока опредѣленно указывается, въ какомъ случаѣ можно пользоваться словарями, пособіями и помощью туземнаго секретаря. Относительно же языковъ Ближняго и Средняго Востока нигдѣ не сказано, что можно пользоваться словарями, между тѣмъ какъ 12-й пунктъ

¹⁾ Приказъ по военному вѣдомству 24-го мая 1912 г. № 254.

общей части руководящихъ указаній гласить, что къ словарю можно прибѣгать тамъ, «гдѣ это разрѣшается программой». Разъ въ программахъ нигдѣ не упоминается о разрѣшеніи пользоваться словарями, то составляетъ впечатлѣніе, что даже послѣ перваго года командировки офицеры, изучавшіе персидскій или турецкій языки, въ противоположность китаистамъ, должны обладать такою степенью знанія, чтобы обходиться безъ словаря. Это очевидное недоразумѣніе.

Точно также нельзя послѣ перваго года командировки читать рукописи или писать записки на персидскомъ языкѣ, не пользуясь помощью туземца и не прибѣгая къ словарю.

Очень жаль, что спеціалисты по языкамъ средней Азіи не разработали столь же обстоятельныхъ программъ, какъ ихъ коллеги китаисты, благодаря чему съ самаго начала устанавливается просторъ въ толкованіи требованій, которыя должны быть предъявлены экзаменуемымъ офицерамъ.

Что, напримѣръ, можетъ значить такая фраза: «Пріобрѣтеніе навыка въ чтеніи официальной и частной переписки, написанной употребительными почерками»? Какая же именно степень пріобрѣтеннаго навыка будетъ считаться на экзаменѣ достаточной? Все это должно быть оговорено съ возможно большею степенью точности.

Прежде всего должны быть отдѣльныя программы по каждому языку, такъ какъ, напримѣръ, по турецкому и по персидскому языкамъ не могутъ быть предъявлены одинаковыя требованія.

Возьмемъ, напримѣръ, чтеніе газетъ. Турецкія газеты отличаются четкостью шрифта. Персидскія же газеты не только не отличаются четкостью шрифта, но даже зачастую вмѣсто одной буквы ставится другая, похожая на нее, когда въ типографіи ощущается недостатокъ шрифта. Напечатанное такимъ образомъ слово безъ затрудненія угадывается туземцемъ, но нельзя того же требовать и отъ иностранца.

Довольно сказать, что типографское дѣло въ Персіи такъ слабо поставлено, что персы предпочитаютъ издавать свои сочиненія въ томъ же Константинополѣ или Бомбей. Однимъ словомъ, гораздо больше времени и труда требуется для пріобрѣтенія навыка бѣгло читать персидскую книгу или газету, чѣмъ печатный текстъ на турецкомъ (константинопольскомъ, официальномъ) языкѣ.

Затѣмъ пониманіе текста газеты на томъ и другомъ языкѣ представляетъ разныя по характеру затрудненія.

Для пониманія труднѣйшихъ турецкихъ передовицъ надо быть главнымъ образомъ сильнымъ въ грамматикѣ, ибо извѣстныя всѣмъ школьникамъ трудности нѣмецкаго языка, формулируемыя на кадетскомъ языкѣ «частица цу ставится къ концу», еще въ большей степени существуютъ въ турецкомъ литературномъ языкѣ, и зачастую, зная всѣ слова, приходится ломать голову, что, собственно, хотѣлъ сказать авторъ: да или нѣтъ.

Зато персидскіе газетные писаки не любятъ прямо приступать къ дѣлу, а прежде всего утомляютъ читателя длиннѣйшимъ, напыщеннымъ предисловіемъ, полнымъ малоупотребительныхъ словъ, такъ что у иностранца, даже при отличномъ знаніи языка, можетъ явиться потребность въ самомъ широкомъ пользованіи словаремъ раньше, чѣмъ онъ доберется до темы статьи, зачастую совершенно не требующей ни предисловія, ни напыщенности.

Что касается книгъ военнаго содержанія, чтеніе которыхъ будетъ требоваться даже и на сартовскомъ языкѣ, то можетъ быть на этомъ языкѣ и есть подобная литература, но на персидскомъ языкѣ, можно смѣло сказать, что ея нѣтъ, ибо нельзя же считать военной литературой двѣ, три брошюры и нѣсколько книгъ по общей исторіи, въ которыхъ архи-штатскіе авторы трактуютъ и о военныхъ дѣйствіяхъ. На турецкомъ же языкѣ, какъ извѣстно, издаются военные журналы, изданы официальные уставы, сдѣлано много переводовъ военныхъ сочиненій и даже начинается развиваться самостоятельная военная литература.

Наиболѣе трудный отдѣлъ изученія восточныхъ языковъ это чтеніе рукописей и писаніе записокъ, официальныхъ писемъ и т. д. Тутъ тоже персидскій языкъ очень отличается отъ турецкаго. Употребительный почеркъ на турецкомъ языкѣ однообразнѣе, чѣмъ на персидскомъ.

Персидскій почеркъ «шикестэ» это почти что стенографія, но не имѣющая учебниковъ и вполне опредѣленныхъ правилъ. Даже литературно образованнымъ персамъ приходится зачастую угадывать слова. Чтобы быть въ состояніи прочесть какое угодно письмо не иностранцу, а персу, нужно нѣсколько лѣтъ практики и притомъ наилучшіе результаты достигаются, когда практикуются съ дѣтства. Лучшіе мирзы (секретари) обыкновенно наследуютъ профессію отцовъ, къ которой съ дѣтства и приготавливаются.

Въ пунктѣ программы, касающемся почерка, слѣдовало бы назвать почерки своими именами: несхъ, нестеликъ, шикестэ, дивани и указать послѣ какого года обученія въ какой степени должно быть усвоено чтеніе того или другого почерка. Степень опредѣлить лучше всего процентомъ неразобранныхъ словъ, допустимыхъ на отмѣтки «отлично», «хорошо» и т. д.

По части составленія занисокъ тоже должны быть предъявлены разныя требованія по персидскому и турецкому языкамъ. По турецкому языку послѣ двухъ лѣтъ командировки можно требовать умѣнья составить письмо по формѣ и на любую тему, пользуясь конечно словарями.

По-персидски этого требовать нельзя. Наблюдая нѣсколько лѣтъ нашихъ и иностранныхъ драгомановъ и консуловъ въ Персіи, нельзя не обратить вниманія на то, что только рѣдкіе изъ нихъ могутъ сами писать дѣловыя письма, несмотря на то, что въ драгомановъ всегда избираются лица, сильныя въ персидскомъ языкѣ и имѣвшія много лѣтъ практики. Тѣ, которые могутъ писать сами, это обыкновенно столь хорошо кончившіе курсъ и столь способные, что имѣли право на оставленіе при факультетѣ для подготовки къ профессурѣ. Разумѣется, что для института военныхъ переводчиковъ нельзя рассчитывать исключительно на профессорскія способности.

Вопросъ военной терминологіи тоже не представляетъ однообразія для разныхъ языковъ. На турецкомъ языкѣ, конечно, есть прочно установившаяся терминологія. Довольно сказать, что въ Турціи приступлено къ изданію энциклопедіи, въ которой видное мѣсто долженъ занимать военный отдѣлъ (такъ по крайней мѣрѣ сообщалось въ газетахъ). Во всякомъ случаѣ въ Турціи существуетъ большая однообразно организованная и обучаемая армія, вмѣющая за собой большое боевое прошлое.

Можетъ быть на сартовскомъ языкѣ тоже есть подобная терминологія, но на персидскомъ языкѣ ея нѣтъ. Да какъ она и можетъ быть, когда въ Персіи, собственно говоря, нѣтъ арміи, а есть только отдѣльныя части, обучаемыя австрійскими, шведскими, италіанскими, нѣмецкими, русскими инструкторами, а ранѣе еще бывали французскіе, англійскіе и даже американскіе инструктора. Все это создало такой сумбуръ, разобраться въ которомъ нельзя заставить учащагося. Нужно еще кому-нибудь поручить составить сборникъ персидскихъ военныхъ терминовъ.

Однимъ словомъ, общую краткую программу для четырехъ языковъ мусульманскаго Востока слѣдуетъ развить хотя бы приказами по округамъ. Недурно также оставить программу безъ измѣненія до перваго экзамена офицеровъ, заканчивающихъ двухлѣтнюю командировку, и тогда уже развить на основаніи опыта экзаменовъ. Во всякомъ случаѣ дополненія необходимы.

Если же оставить программу въ настоящемъ видѣ, то можно или чрезмѣрно повысить требованія, не сообразуясь съ силами среднихъ людей, или же, наоборотъ, въ виду невозможности требовать въ томъ объемѣ, какъ можно истолковать программу, экзамень обратится въ легкую процедуру и все будетъ зависѣть отъ случайности въ составѣ экзаменаторовъ. Точная регламентація имѣетъ значеніе и для дальнѣйшей службы офицеровъ-переводчиковъ. Такимъ путемъ начальникъ, имѣющій у себя въ распоряженіи офицера-переводчика, будетъ знать, что онъ можетъ требовать отъ офицера и что надо считать свѣше силъ средняго переводчика.

Въ общемъ, начальникъ долженъ быть доволенъ офицеромъ-переводчикомъ, если послѣдній на обязательномъ для него языкѣ будетъ въ состояніи свободно вести бесѣду на любую тему, а также сумѣетъ провѣрить и направить работу туземнаго секретаря. Вѣдь это уже работа драгомановъ дипломатическихъ миссій, т. е. лицъ, получившихъ обширное восточное образованіе и имѣющихъ свою опредѣленную карьеру, если не по дипломатической, то, во всякомъ случаѣ, по консульской части.

Чтобы покончить съ вопросомъ программы, слѣдуетъ еще замѣтить, что для Кавказскаго военнаго округа обязательна подготовка офицеровъ, свободно владѣющихъ адзербейджанскимъ нарѣчіемъ, т. е. языкомъ тюркскимъ, отличающимся отъ, такъ называемаго, турецкаго языка, подъ которымъ подразумѣвается константинопольское нарѣчіе. Поэтому отдѣльно отъ программы турецкаго языка должна быть программа тюркскаго (адзербейджанскаго) языка и соотвѣтственно этому слѣдовало бы создать три группы: турецко-адзербейджанскую, адзербейджанско-турецкую и адзербейджанско-персидскую. Съ населеніемъ офицеру-переводчику Кавказскаго военнаго округа большею частью придется объясняться по-адзербейджански и поэтому всѣ группы должны изучать совершенно самостоятельно адзербейджанское нарѣчіе. По-персидски же или по-турецки съ населеніемъ вѣроятныхъ театровъ придется

объясняться рѣдко, и на этихъ языкахъ придется имѣть дѣло, главнымъ образомъ, съ интеллигенціей, администраціей и т. д. Такихъ специалистовъ надо гораздо меньше, чѣмъ офицеровъ, которымъ придется войти въ общеніе съ народомъ.

Н. С.

